

У Чжу Цай было искушение протянуть руку, но раненый все-таки был женщиной, и Чжу Цай не мог быть слишком безрассудным, но было хорошо, что девушка не в первый раз имела дело с подобными вещами, и ее движения были очень умелыми, и она не нуждалась в помощи Чжу Цай.

Только после того, как она перевязала раны своей спутницы, Женщина Мириад издала вздох облегчения. Протянув руку, чтобы вытереть пот на лбу, она повернулась к Чжу Цай и сказала: "Спасибо, что приняли нас! Не волнуйся, когда моему дяде станет лучше, мы уйдем, мы никогда не доставим тебе неприятностей".

Чжу Цай даже помахал рукой и улыбнулся: "Что тут такого, госпожа, не вежливо. Но ты сказал, что это твой дядя?"

Чжу Цай любопытно ** женщины посмотреть, сердце тск. Посмотрите на внешность, этой женщине всего тридцать лет, зрелая очаровательная, не ожидала, что ее будут уважать как дядюшку. Я не знаю, маленький ли это возраст, или хорошее обслуживание.

Если бы не тот факт, что вы были достаточно добры, чтобы принять нас, босс, я боюсь, что мы..."

Не стоит говорить этой молодой женщине, но, глядя на ее пыльную внешность, Чжу Цай знал, что их путь, должно быть, был очень трудным, и у него в груди разгорелся огонь справедливости.

Глядя на эту ** рану женщины, она ни в коем случае не была обычной глубокой, меч другой стороны упал, он явно собирался отрезать ей всю руку, выстрел нельзя было назвать не ядовитым!

"Девочка, тебе не нужно бояться, просто оставайся здесь со мной и поправляйся с миром." Чжу Цай, чувствуя справедливость, заставил его твердо решиться дать обеим девушкам приют, эта речь была очень твердой.

Глядя на горящий взгляд Чжу Цая, лицо прекрасной женщины было наполнено эмоциями, и она заплатила глубокое повиновение Чжу Цай: "Босс, если вы готовы открыть нам дверь, это уже большая доброта к нам. Но мы действительно не можем остаться надолго, я уверен, что скоро наши враги выследят нас здесь, и тогда я боюсь, что мы втянем тебя в неприятности..."

"Упс! Разве я не говорил тебе, что я, Чжу Цай, не боюсь вмешиваться!"

"Но вы не знаете, что наши враги чрезвычайно могущественны и убийственны..."

Не дожидаясь, пока прекрасная женщина закончит предложение, Чжу Цай улыбнулся и сказал: "Я не боюсь власти, какой бы большой она ни была! Не забывайте, что это Божественный Город Грома, а не следующее место! Я не боюсь сказать тебе, что я тоже не обычный трактирщик".

"Ты..." глядя на уверенную внешность Чжу Кай, чудесное женское сердце не могло не двигаться.

Хотя она не хотела впутывать Чжу Цай в свое сердце, на самом деле, они были вынуждены в отчаянной ситуации. В такой ситуации, несомненно, было бы большим благословением для них, если бы у них был кто-то, на кого можно было бы положиться и дать им приют.

Но Чжу Цай, с пухлым видом и никаких признаков истинного ци, вытекающих из его тела, очевидно, был обычным человеком, который не знал боевых искусств, какой приют может дать им такой человек? Девичье сердце было действительно бездонным.

Пока молодая женщина колебалась и колебалась, Чжу Цай громко засмеялся и сказал: "Ладно, ладно, решено! Видишь ли, твой дядя так сильно ранен, что больше не может терпеть боли от беготни, и ты не хочешь, чтобы с ней что-нибудь случилось, верно?"

Чжу Цай был решающим и не дал молодой женщине шанса возразить, прежде чем решить вопрос.

Идём.

Молодая женщина была очень тронута, и поспешно заплатила глубокое повиновение Чжу Цай, сказав: "Принцесса Хун Ень, Сяо Хуэй и ее дядя никогда этого не забудут".

Чжу Цай с большой улыбкой помахал рукой и сказал: "В этом нет необходимости, госпожа, хотя я и не мастер боевых искусств, я не вижу несправедливости в этом мире". Уже поздняя ночь, госпожа Сяо Хуэй тоже должна отдохнуть пораньше, если что-то понадобится, просто громко закричите за меня".

Замечательная женщина еще раз поблагодарила Чжу Цая тысячей благодарностей и отправила Чжу Цая из комнаты.

Не знаю, потому ли это, что он сделал что-то хорошее, но у Чжу Цая изначально депрессивное настроение было немного облегчено. На следующее утро, когда Чжу Цай и его старший брат и невестка были заняты делами магазина, молодая женщина по имени Сяо Хуэй поддержала своего дядю и медленно спустилась вниз по лестнице.

После ночного отдыха телосложение дяди наконец-то немного восстановилось, с нежным взглядом и улыбкой на губах.

Я не уверен, смогу ли я это сделать, но я не уверен, смогу ли я это сделать.

"Дядя Юй, это трактирщик, который любезно принял нас вчера вечером, брат Чжу Цай Чжу!" Сяо Хуэй и Чжу Цай больше не были чужими, и их слова были полны благодарности и близости.

Как только дядя Сяо Хуэй услышал это, он сразу же ускорил темп и прибыл перед Чжу Цай, сначала платить полное повиновение, а затем мягко говоря: "Юй Цинпин поблагодарил благодетеля".

Такая изысканная красота была настолько вежлива, что сразу же сделала Чжу Цай несколько перегруженным, не помогла не помочь, не помогла, прямая тревожно поцарапала пару рук на одежде, на лбу даже просочился пот.

"Мисс не нужно быть вежливой. Ты... ты, наверное, голоден, я пойду приготовлю тебе еду, вы оба... подождите минутку!" Чжу Цай фактически сбежал с дороги, как будто две красавицы перед ним были каким-то зверем наводнения, делая Юй Цинпин и Xiaohui смеются.

Юй Цинпин и Сяохуй не смогли устоять перед добрыми намерениями Чжу Цая, поэтому они нашли тихое и незаметное место и сели. Завтрак, который Чжу Цай приготовил для них двоих, также был очень вдумчивым.

Простая каша была приготовлена именно так, как надо, а раскрывшиеся рисовые цветы были очень красивы и привлекательны. Несколько тарелок хрустящих и освежающих блюд также очень нежные и не жирные, что соответствует вкусу Юй Цинпина и Сяохуя.

Племянник и племянник, которых преследовали и убивали по дороге, никогда даже не ели горячую пищу, не говоря уже о таком изысканном и аппетитном завтраке. Удовольствие на их лицах говорит нам о том, что эта сковорода была очень удобной.

Видя, как Юй Цинпин и Сяохуй сладко едят, Чжу Цай имел чувство выполненного долга и, естественно, был в очень хорошем настроении. Но в это время, бесцеремонно, прозвучал чрезвычайно противоречивый голос: "Вы, двое шлюх, действительно здесь"!

Как только голоса упали, ворвались несколько человек с плохими лицами. Первый, около тридцати лет, носил в руке меч длиной в три фута, полный яростных взглядов! Глаза, которые смотрели на Юя Цинпина и Сяохуя, были еще более наполнены бесконечными убийственными намерениями.

Юй Цинпин и Сяохуй смотрели друг на друга и не были очень удивлены появлением друг друга, но беспомощность и печаль, которая была скрыта в их глазах, были причиной того, что сердце Чжу Цая болит, как будто его кто-то жестоко схватил.

Юй Цинпин нежно встал, и сначала слегка кивнул в Чжу Цай в знак благодарности, прежде чем повернуться, чтобы посмотреть на другую сторону, ее голос наполнен негодованием: "Ли Йи, твой вымерший клан мечей!"

По дороге все четверо Моих учеников погибли в твоих руках, и эта кровная вражда, даже если ты не будешь искать меня, Я все равно буду искать тебя, чтобы свести счеты".

"Ха! Ну, тогда давай посчитаем сейчас!" Ли И усмехнулся, выглядя высокомерно.

"Ли И, ты не бесстыжая! Если мой дядя не пострадал, как ты смеешь быть таким наглым?"

Хотя этот Li Yi имел определенный статус в Абсолютной Секте Мечей, он ни в коем случае не был большой фигурой, и не был спичкой для Yu Qingping. Жаль, что Юй Цинпин был тяжело ранен, как будто тигр упал на землю, даже Ли И был наглым.

"До самой смерти у тебя все еще острые зубы, вонючая девчонка, я точно поставлю тебя в дилемму жизни и смерти!" Ли И посмотрел на Сяовэй злыми глазами и вздрогнул.

Юй Цинпин сделала длинный вдох, подавив свой гнев, и сказала глубоким голосом: "Я соглашусь с тобой, если хочешь, но я не хочу втягивать в это невинных людей, как насчет того, чтобы выбрать другое место и бороться до смерти"!

"Не стоит так беспокоиться, я думаю, что здесь все в порядке. Что касается невинных людей и т.д., хм, с тех пор, как они приняли тебя, ты больше не невиновен". Ли И повернул глаза, чтобы окинуть взглядом семью Чжу Цая, его взгляд холоден и полон умысла убивать.

Сердце Юй Цинпина внезапно опустилось, казалось, что она все еще втянула семью Чжу Цай в неприятности.

"Ли И, не бойтесь ли вы, люди Секты Отчаянного Меча, безрассудно двигаться, чтобы убить, не бойтесь ли вы навредить небесам и гармонии"? Компания занимается разработкой нового продукта в течение последних двух лет.

Ли И услышал это в ушах, но он просто холодно улыбнулся, даже не потрудившись защищаться, и помахал рукой своим подчиненным рядом с ним: "Вы идете, сначала убейте всех, кто мешает, тех, кто бельмо на глазу"!

"Кто посмеет!" Юй Цинпин очень торопилась и сделала шаг подсознательно, но она случайно повредила рану, и кровь внезапно окрасила ее рубашку в красный цвет.

"Хм! Ю Цинпин, ты просто грязевая кровь, у тебя нет времени заботиться о чужих жизнях? Это нелепо!"

"Я думаю, что нелепый человек - это ты!" Как только слова Ли Йи приземлились на землю, Чжу Цай внезапно заревел и стоял перед Ли Йи, блокируя Юя Цинпина и Сяо Хуэй позади него.

Тот факт, что Чжу Цай так громко выскочил, на самом деле шокировал Ли И, думая, что пришел какой-то замечательный специалист. Успокоившись и осознав, что Чжу Цай - совершенно обычный человек, он сразу разозлился.

Пара глаз, холодный свет, заставили Чжу Цай, скрежетая зубами: "Ты ведь достаточно прожил, да? Ты веришь, что я тебя шлёпну!?"

"Ты меня порезал! Если вы коснетесь волоска на моей голове, вы все окажетесь на улице в течение дня!"

Чжу Цай скрестил руки на талии, столкнувшись с принуждением Ли И, он даже не дал дюйма. Оригинальный круглый кузов, но теперь оказался чрезвычайно прочным и сильным, как и неподвижная гора! Глядя прямо на Юя Цинпина и Сяо Хуя, они были удивлены.

Очевидно, что Чжу Цай был обычным человеком, который не знал боевых искусств, но то, что вспыхнуло от него в это время, было чем-то, что нельзя недооценивать.

Даже Ли И был ошарашен, совершенно не подозревая, что обычный смертный будет обладать такой смелостью и отвагой.

"Ты, сукин сын, осмелился меня обмануть!" После минуты молчания, Ли И вдруг заревел и поднял ладонь высоко.

"Берегись!" Юй Цинпин срочно закричала, ее лицо резко изменилось.

Чжу Цай, однако, остался спокойным и расслабленным и помахал рукой Юй Цинпину, затем посмотрел прямо в глаза Ли И и сказал: "Ты позволил ему рубить, и я посмотрю, сколько кишок он должен родиться, чтобы осмелиться быть диким в этом Божественном Грозе!".

(Конец главы)